

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақстан Республикасының “Білім туралы” заңы. - Алматы, 1992. - 122 б.
2. Сатыбалдиев К. Қазақстандағы білім беру реформалары. - Алматы: Білім, 2019. - 101 б.
3. OECD. Education in Kazakhstan: Review of National Policies. - Paris: OECD Publishing, 2018. - 202 б.
4. ҚР Білім және ғылым министрлігі. Жанартылған білім мазмұны бойынша әдістемелік құрал. - Астана, 2017. - 88 б.
5. Әбілқасымова А.Е. Критериалды бағалау жүйесі: теория және тәжірибе. - Алматы, 2017. - 143 б.

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЫЧАЕВ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Абишева М.

Научный руководитель: к.и.н., ассоциированный профессор Абдрахманова К.К.

Карагандинский национальный исследовательский университет

имени академика Е.А. Букетова

abisheva.055@icloud.com

г. Караганда

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного и целостного представления об исторических процессах, которые происходили на территории Казахстана и Центральной Азии. Колониальный период, охватывающий XVIII-XIX века, привел к столкновению совершенно новой цивилизации, основанной на христианском православии, с традиционным миром кочевников, исповедующих синкретический ислам. Изучение влияния европейской культуры на традиционные обычаи казахского общества в этот период позволяет избежать мистификации и этнизации культурно-исторического наследия и способствует пониманию исторической судьбы народов региона.

Историография данной работы включает широкий круг материалов. Важнейшую группу составляют труды российских путешественников XVIII века, таких как П. И. Рычков («Топография Оренбургская», 1755) [1], П. С. Паллас («Путешествие по разным провинциям Российского государства», 1771-1776) [2] и И. Г. Георги («Описание всех обитающих в Российском государстве народов», 1776) [3]. Эти источники содержат первые подробные описания быта, обычаев и социальных отношений казахов, а также фиксируют ранние изменения, вызванные контактом с европейской культурой через пограничные структуры Российской империи. Существенный вклад в источниковую базу вносят этнографические труды XIX века, прежде всего работа А. И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» (1832) [4], где подробно зафиксированы традиционные институты казахского общества, что позволяет сравнить их с более поздними изменениями. Особое значение имеют современные публикации М. Х. Абусеитовой и коллектива авторов, вводящие редкие архивные материалы, которые позволяют проследить трансформацию традиционных обычаев казахов под влиянием европейской культуры в колониальный период [4]. В совокупности эти источники позволяют проследить динамику изменений традиционных обычаев под воздействием европейской культуры в условиях колониальной политики Российской империи.

Целью данной работы является комплексный анализ механизмов, форм и последствий воздействия европейской культуры, привнесенной Российской империей, на трансформацию ключевых традиционных обычаев и социальных институтов казахского общества в административной, правовой, хозяйственной и религиозной сферах. Исходя из обозначенной цели, мы попытались отследить изменения в традиционных правовых обычаях и судопроизводстве под влиянием имперского законодательства, проанализировать трансформации традиционных структур власти и родовых связей в условиях колониального управления, исследовать влияния экспроприации земель и налогообложения на кочевое скотоводство и связанные повинности, оценить реакции традиционных религиозных обычаев на распространение православия как инструмента модернизации и русификации.

Объектом исследования являются традиционные обычаи (правовые, социальные, религиозные), институты власти и хозяйственный уклад казахского общества, а также механизмы их трансформации под воздействием европейской (русской имперской) культуры.

Характеризуя методологическую базу следует отметить, что в работе используется метод историзма для рассмотрения процессов в конкретных исторических условиях XVIII начала XX вв.

Системный и структурно-функциональный анализ применяется для рассмотрения традиционной культуры и религии как взаимосвязанных систем, реагирующих на внешние изменения (культурно-религиозный гомеостаз). Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления традиционных институтов с навязываемыми европейскими моделями. Фактической основой служат путевые дневники и записки российских чиновников середины XVIII - первой половины XIX в.

Процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи, который начался с протектората над Младшим жузом в 1731 году и завершился в 60-х годах XIX века, привел к столкновению двух цивилизаций - кочевой, основанной на синкретическом исламе и традиционных верованиях, и европейской, основанной на христианском православии. Это взаимодействие затронуло глубинные процессы в обществе, трансформируя ключевые традиционные обычаи и институты [4, с. 44].

Доколониальное казахское общество имело строго иерархическое устройство, где власть хана и государства рассматривалась как собственность всей царствующей фамилии [4, с. 384]. Основной формой административно-политической организации был улус (удел-владение). В этот период среди казахов действовало традиционное право - адат - в сочетании с нормами шариата. Главным законодательным памятником ханского периода был «Жети жаргы» (Семь установлений) хана Тауке, который кодифицировал обычное право и включал элементы установлений Чингиз-хана («Яса») [4, с. 365].

Одним из ключевых обычаев в казахском праве была система судопроизводства, где важную роль играли бии - предводители родов и племен, которые обладали судебной, административной и военной властью в пределах своих родов. Бии почитались за знание и умение интерпретировать многовековое народное право. Судебное исполнение характеризовалось особенностью: роль исполнительной власти играла сама выигравшая сторона, что приводило к тому, что барымта (насильственный угон скота) рассматривалась в «Жети жаргы» как правомерное явление [4, с. 372].

С введением российского управления эти традиционные правовые обычаи подверглись жесткой регламентации. Колониальная администрация стремилась к разрушению родственных отношений в кочевой среде. Была введена двухэтапная избирательная система для оседлого населения, однако утверждение и деятельность должностных лиц находились под жестким контролем представителей колониальной администрации [5, с. 77]. Ханская власть была отменена (в Среднем Жузе в 1822 г., в Младшем Жузе в 1824 г.). Колониальные власти ввели российские законы на подконтрольных территориях. Полномочия шариатских судов были ограничены, и они, наряду с бийскими судами, стали в основном решать только хозяйственно-бытовые вопросы.

Традиционное казахское общество XV-XVII веков имело четкое сословное разделение на ак-суйек («белая кость», включающая Чингизидов, сайидов и ходжей) и кара-суйек («черная кость», включая биев, воинов и общинников). Сайиды, как потомки пророка, пользовались особыми привилегиями и не подлежали смертной казни. Этот принцип сословного разделения проводился очень последовательно [4, с. 391].

Ключевым хозяйственным обычаем было кочевое скотоводческое хозяйство, которое оставалось главной формой жизнедеятельности на протяжении почти трех тысячелетий. Традиционные сборы и подати (зякет, согум, шибига) были незначительны, нерегулярны и носили эпизодический характер [4, с. 359].

Европейское влияние нарушило этот обычай, прежде всего, через земельную политику. Реформа 1868 г. объявила территорию Казахстана государственной собственностью Российской империи. Если прежде кочевое общество не знало юридической формы частной собственности на землю, то российское государство фактически санкционировало ее. В результате Столыпинских аграрных реформ произошла широкомасштабная экспроприация более 40 млн. десятин наиболее плодородной земли для русского переселенческого крестьянства [5, с. 12]. Это сужало площадь кочевого скотоводческого хозяйства, лишая его лучших пастбищ.

Взамен традиционных сборов была установлена жесткая фискальная система. Например, для казахов Сибирского ведомства был введен натуральный прогрессивный налог - ясак (одна голова скота со ста голов), а для Оренбургского ведомства кибиточная подать (денежный фиксированный налог в 1,5 рубля серебром с каждой кибитки) [4, с. 359]. Это привело к значительному возрастанию внеэкономических форм эксплуатации. Разрушение системы жизнеобеспечения кочевого общества неизбежно вело к массовому голоду и обнищанию.

Колониальная эпоха вызвала серьезные изменения в повседневной жизни казахов. Разрушение традиционной аульной родоплеменной организации, нарушение привычных кочевых маршрутов и изъятие земель привели к постепенному переходу населения к полuosедлости и оседлому быту. Эти

процессы сопровождались широким заимствованием элементов русской материальной культуры и новых технологий.

Жилищная среда изменилась радикально: с утратой кочевой мобильности юрта стала использоваться главным образом как летнее жилище, устанавливаемое рядом с зимней избой. Уже к 1880-1890-м годам большинство казахов на зимовках имели наземные четырёхугольные дома, конструктивно повторявшие русские образцы, тогда как малоимущие продолжали жить в землянках.

В одежде произошёл переход от материалов кочевого хозяйства (кожа, мех) к фабричным русским тканям. Во второй половине XIX века резко вырос импорт ситца, бязи, плиса, сукна, бархата и шёлка. Изменился и покрой: длинную просторную одежду, удобную для верховой езды, сменили более короткие и узкие вещи, рассчитанные на ходьбу. Вместо традиционных завязок стали использовать покупные пуговицы, а с появлением в начале XX века швейных машин одежда всё чаще приобреталась готовой. Появились новые элементы гардероба – головные платки, шерстяные и шёлковые шали [6]. Казахская знать, особенно женщины, перенимала образцы, одеваясь в татарские кульямки (похожие на халаты) из европейских тканей, таких как штофные, гроденаплевые и полушелковые [7, с. 624].

Домашняя утварь и посуда также претерпели изменения: лёгкие кожаные и деревянные изделия (кенек, тегене) постепенно исчезали, уступая место фабричной фаянсовой и эмалированной посуде, чугунам и самоварам, которые стали обычной деталью быта, в том числе в бедных семьях. У русских заимствовались деревянные вёдра, квашни, лари для хранения зерна. С развитием русской колонизации в быт состоятельных слоев населения начали проникать такие европейские предметы как настенные часы, зеркала, столы, стулья, тарелки, салфетки, ложки, ножи и вилки. Казахские купцы обменивали скот и добычу на товары промышленного хозяйства, такие как ситцы и мука. Зажиточные казахи покупали китайский чай у русских торговцев [7, с. 624].

В питании, наряду с традиционными мясом и молочными продуктами, усилилась роль муки и овощей. Казахи начали заниматься огородничеством – выращивать огурцы, лук, свёклу, морковь. В рацион вошли новые хлебные изделия; казахские женщины учились печь русские булки и калачи. Через рыночные связи увеличился приток чая, сахара, качественной муки и картофеля, который часто выменивался у переселенцев [6]. Переселение этнических групп (например, немцев-меннонитов и лютеран) привело к внедрению в культуру новых сельскохозяйственных культур (помидоры, картофель, баклажаны, капуста) и новых сортов животных [7, с. 624].

Сфера транспорта также модернизировалась под влиянием развивающейся торговли. Караванные маршруты заменили многочисленные гужевые торговые и почтовые тракты, по которым двигался колесный грузовой транспорт. Знать и торговцы приобретали тарантасы и рессорные повозки, возрастал спрос на плуги, детали для сельскохозяйственных машин и даже для автомобилей. Быт казахов всё теснее включалась в российскую экономическую систему, что способствовало усвоению технологий и бытовых стандартов, характерных для оседлого населения европейской части империи.

Основной религиозной традицией в Степи был синкретический ислам, в который вошли тенгрианско-шаманские верования. Суфизм, с его почитанием шейха-наставника, культом «святых» и их могил (*сагана-тамы*, *кулыптасы*, *койтасы*), стал неотъемлемым элементом «народного ислама», благодаря которому местным традициям удалось примириться с исламом [8, с. 114].

Российская империя проводила политику, направленную на вовлечение местного населения в орбиту христианской (православной) модели. Власти считали, что смена религиозной идентичности будет способствовать модернизации казахов, их оседанию и русификации [8, с. 134]. В XIX веке обращение в христианство не было массовым, но было локально известно.

В период с 1897 по начало 1911 года картина вероисповедного состава населения в Средней Азии, включая Степное генерал-губернаторство, претерпела значительные изменения. Ранее здесь господствующей религией был ислам, но благодаря, главным образом, переселению русских крестьян, ситуация резко изменилась, и господство перешло на сторону православных. Мусульмане отошли на второе место, составляя 42,4% от общего населения Зауралья [9, с. 233]. В Средней Азии, где православие занимало второе место после ислама, число православных в целом за 14 лет (1897-1911 гг.) увеличилось почти в три раза. В 1897 году насчитывалось 641 632 православных, а к началу 1911 года это число достигло 1 865 968 человек. По отношению ко всему населению Средней Азии удельный вес православных поднялся с 8,3% до 18,7% [9, с. 234].

Причина столь значительного увеличения числа православных практически полностью заключается в их переселении из Европейской России. Это особенно заметно в степных областях, где наблюдался наиболее сильный подъём удельного веса христианства.

В Акмолинской области число православных из меньшинства в 232 401 человек (или 34,1% всего населения) в 1897 году превратилось в большинство, достигнув 831 899 человек, или 57,6% всего населения области к 1911 году.

Еще более сильное увеличение православного населения произошло в Тургайской области, где их число абсолютно увеличилось в 6 раз: с 37 193 человек (8,2% в 1897 году) до 227 704 человек (32,0% всего населения области).

Также отмечено значительное увеличение числа православных в других областях: в Уральской области более чем вдвое (со 107 587 человек до 231 460 человек); в Семипалатинской (с 67 620 человек до 183 490 человек); и в Семиреченской (с 96 741 человека до 199 455 человек) [9, с. 234].

Что касается мусульманского населения, составлявшего основу коренного населения этих областей, то в Средней Азии их абсолютное число выросло с 6 996 654 человек до 8 223 982 человек. Однако, несмотря на этот значительный абсолютный прирост, по отношению ко всему населению Средней Азии число мусульман упало с 90,3% до 79,6% [9, с. 236]. Наиболее сильное понижение процента мусульманского населения произошло именно вследствие прилива русских переселенцев в Степном генерал-губернаторстве: в Тургайской области их процент упал с 91,7% до 65,9%; в Акмолинской с 64,3% до 38,1%; в Семипалатинской с 89,8% до 80,8%; и в Семиреченской области с 90,1% до 83,3%. Это изменение было достигнуто целиком за счет переселения христиан из Европейской России [9, с. 237].

Кроме того, в Средней Азии проживали и христиане других конфессий, также прибывшие за счет переселения. Например, католиков к началу 1911 года в Средней Азии было 29 817 человек, а лютеран 45 905 человек. Наибольшее число переселенцев-католиков и лютеран сосредоточилось, в частности, в Акмолинской области. Также в Акмолинской области числилось 2195 реформатов, 7543 баптиста и 270 адвентистов [9, с. 236].

К концу XIX века традиционная религия проявила устойчивость. Рост национального самосознания среди «иностранцев» привел к тому, что христианство стало отождествляться с русификацией и имперским управлением. В этот период усилилось совпадение этнической и религиозной идентичности, что привело к снижению статуса православия [8, с. 152]. Более того, был отмечен процесс «де-евангелизации», когда крещенные казахи, татары и даже русские подавали прошения о принятии ислама.

Таким образом, в колониальный период европейская культура оказала глубокое и асимметричное влияние на традиционные обычаи казахского общества. В сфере управления традиционный обычай улусной системы и власть ханов были ликвидированы и заменены бюрократическими аппаратами, что разрушало родовые связи. Правовые обычаи, такие как Жети жаргы и барымта, были маргинализированы, а шариатские и бийские суды ограничены в полномочиях.

В хозяйственном укладе традиционный обычай кочевого скотоводства был подорван широкомасштабной экспроприацией земель, введением частной собственности на землю (ранее неизвестнойномадам) и жесткой фискальной системы, что привело к обнищанию и голоду. В быту наблюдалось частичное заимствование европейских предметов (часы, столы, столовые приборы) и изменение в одежде и питании.

В религиозной сфере, несмотря на усилия империи по христианизации (которую на раннем этапе казахи воспринимали как «чисто техническое и практическое дело»), традиционные обычаи, основанные на народном исламе и суфизме, проявили высокую степень культурно-религиозного гомеостаза. Религия, будучи хранительницей ключевых характеристик культуры, оказалась наименее готовой к видоизменению. К концу колониального периода традиционная социокультурная система, укрепленная ростом национального самосознания, активно отторгла православие, усилив свою собственную этническую и религиозную идентичность.

Список использованной литературы:

1. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Соч. П.И. Рычкова 1762 г.. Оренбург: РГО, 1887. 406 с.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. - Санкт-Петербург: Императорская академия наук. Т.1,2. 1771-1786.
3. Георги Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. - Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1799. - 415 с.
4. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть 1-3. Санкт-Петербург: тип. К. Крайя, 1832. - 3 тома.

4. Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. Учебное пособие. Алматы: Издательство «Білім», 2001. 620 с.

5. Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции. (Ташкент, 12-13 сентября 2008 г.). Ташкент, 2009 - 167 с.

6. История Казахстана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9223>

7. Путевые дневники и записки российских чиновников и наблюдения о Казахской степи XVIII - расчет XIX века. Сборник документов и материалов / Сост. И. Ерофеева, Б. Жанаев, И. Самигулин. - Астана: ТОО «Общество инвалидов», 2012. - 758 с.

8. Ерекешева Л.Г. Культура и религия в истории Центральной Азии. - Алматы: Дайк-Пресс, 2013. - 192 с.

9. Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. - СПб, 1914. - 578 с.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬИ

Арцыбашева Д.С.

Научный руководитель: д.и.н., профессор Козина В.В., м.г.н. Утебаева А.Д.

Карагандинский национальный исследовательский университет

имени академика Е.А. Букетова

basekon2007@gmail.com

г. Караганда

История моей семьи тесно переплетается с историей XX века - временем величайших испытаний и преобразований, которые повлияли на судьбы миллионов людей в СССР. Это Первая мировая война, Гражданская война, коллективизация и индустриализация 1930-х годов, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление и освоение целины в Казахстане. Именно, на фоне этих исторических событий разворачивалась судьба моих родственников, чьи жизни отражают судьбу страны.

Иван Шовкович (дядя прабабушки *Анны Андреевны Шовкович*), родился в Украине, в Волынской области, Колковском районе, селе Куликовичи. Он вел крестьянское хозяйство. К нему приходили работать другие жители села, т.к. они говорили: «Иван Шовкович много платит за работу». В 1920-х годах Иван Шовкович открыл одноэтажную школу, за счёт собственных сбережений. Школа была построена на территории нынешней Украины (тогда это была территория Польши), в Волынской области, Колковском районе, селе Куликовичи. В настоящее время она по-прежнему функционирует [1, с. 5].

Шелкович Василий Викторович (прадед). Годы жизни: 30 ноября 1924 г. - 28 сентября 2006 г. Место рождения: Украинская ССР, Волынская область, Колковский район, с. Куликовичи. Звание: рядовой. Василию Викторовичу было семнадцать лет, когда началась война. Его семья жила на оккупированной территории (с 1941 по 1944 годы). Утром приходил карательный отряд, а ночью - бандеровцы. Семья пряталась в лесу - в маленьком домике, скот прятали в яме рядом. После освобождения (в 1944 году) Василия призвали на службу. Перед отправкой на фронт прошёл трёхмесячные курсы подготовки на Урале. Был вторым номером пулемётного расчёта (подавал диски и патроны на пулемёт Дегтярёва). Василий Викторович воевал под Мурманском. Был приказ взять дот. К доту поползли трое: лейтенант и два солдата, включая Василия Викторовича. Первым бросил гранату лейтенант - не добросил и получил ранение. Следом попытался солдат - тоже безуспешно. Затем пополз Василий, докинул гранату, взорвал дот, но был ранен и прижат камням. Василий Викторович был спасён. Полгода лечился в госпитале, после чего признан негодным к службе - на этом война для него закончилась. После войны страдал болезнью лёгких. Народный лекарь и его жена - Шовкович Анна Андреевна - поставили его на ноги [2, с. 5]. Награды: 1. Орден Отечественной войны II степени, 2. Медаль «За оборону Советского Заполярья» [3, с. 5].

Арцыбашев Иван Васильевич (прапрадед). Годы жизни: 1910 - 02.04.1985 Место рождения: Курская область, Тимский район, деревня Камыши. Звание: рядовой, красноармеец. До войны работал связистом. Был призван 10 августа 1944 года. Служил в 45-м отдельном зенитном дивизионе 10-й кавалерийской дивизии 4-го кавалерийского